

К. А. Наумова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

ORCID ID: 0000-0002-1729-395X

 E-mail: naumova.ksenia94@mail.ru.

Контент-анализ военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса в сопоставительном аспекте

АННОТАЦИЯ. В данной статье приводятся обоснования гипотезы о независимом положении гибридных форматов дискурса в классификации типов дискурса и о наличии существенных различий между гибридными форматами дискурса, имеющими общую дискурс-основу (военно-политический и военно-публицистический дискурс). Исследование специфики и типологических признаков военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса осуществляется с использованием инструментария критического анализа дискурса, контент-анализа и интен-анализа. Автором приводится методология отбора текстов для создания корпуса текстов, а также критерии выделения концептуальных переменных для проведения контент-анализа. Для одного и того же набора концептуальных переменных подсчитаны абсолютная и относительная частота встречаемости как для отдельных текстов, так и для групп текстов, выделенных в рамках одного корпуса. Контент-анализ и интерпретация данных, полученных с его помощью, позволили автору подтвердить гипотезу о наличии существенных различий между гибридными форматами дискурса. Автором было установлено, что военно-публицистический дискурс не является однородным и может быть подразделен на проправительственный и оппозиционный военно-публицистический дискурс. Для военно-политического и тяготеющего к нему проправительственного военно-публицистического дискурса характерно активное использование местоимений «*we*», «*I*» и «*you*», актуализирующих оппозицию «свой — чужой». В проправительственном военно-публицистическом дискурсе и военно-политическом дискурсе кодовая единица «*War*» заменяется на эвфемистическое понятие «*Strike*» или содержащее угрозу «*Chemical Weapons*», в то время как оппозиционный военно-публицистический дискурс акцентирует свое внимание на кодовой единице «*War*». Таким образом, автором установлено, что существенные различия между форматами дискурса обусловлены несовпадением целей: для военно-политического и проправительственного военно-публицистического дискурса — инициация войны, для оппозиционного военно-публицистического дискурса — недопущение военных действий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гибридные форматы; военно-политический дискурс; военно-публицистический дискурс; контент-анализ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Наумова Ксения Андреевна, аспирант кафедры «Лингвистика и перевод», Южно-Уральский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76; e-mail: naumova.ksenia94@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Наумова, К. А. Контент-анализ военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса в сопоставительном аспекте / К. А. Наумова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 96-105. — DOI 10.26170/pl19-03-12.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00192.

Тема войны не теряет своей актуальности даже в мирное время, потому что любой вооруженный конфликт зачастую предваряется словесными дебатами, в которых на чаше весов, с одной стороны, находится отказ от войны, а с другой — необходимость ее инициации по каким-либо причинам. В этой связи дискурсивные исследования, призванные разоблачить использование манипулятивных технологий при порождении дискурса, приобретают особый смысл и дают мощный толчок развитию лингвистики в целом и междисциплинарных исследований в частности.

Учитывая, что война есть продолжение политики иными средствами, мы считаем, что изучения военного [Олянич 2015; Уланов 2014], политического [Алёшина 2015; Герасимов 2002; Демьянков 2002; Солопова

2011; Чудинов 2006; Chilton 2004; Fairclough I., Fairclough N. 2012; Wodak 1989] или публицистического [Володина 2005; Иссерс 2014; Fowler 1991; Talbot 2007] дискурса по отдельности недостаточно, чтобы определить отношение к войне в современном мире. В то время как военный дискурс сосредотачивается на вопросах ведения войны, политический и публицистический форматы дискурса затрагивают слишком широкий круг тем, не сводимых исключительно к обсуждению вооруженных конфликтов.

Тем не менее существуют так называемые «гибридные форматы дискурса», имеющие общую дискурс-основу и сочетающие характеристики и свойства двух и более типов дискурсов. В частности, речь идет о военно-политическом [Солопова, Чудинов 2018]

© Наумова К. А., 2019

и военно-публицистическом [Кучинская 2011] форматах дискурса, в центре которых находится обсуждение вопросов войны.

Несмотря на широкое освещение политического и публицистического форматов дискурса в современной дискурсологии, связанные с ними гибридные форматы по-прежнему изучены недостаточно. Автор предполагает, что гибридные форматы дискурса занимают особое место в классификации типов дискурса, не являются механическим воспроизведением черт, присущих их составляющим, и порождают качественно новый формат со своими целями, ценностями и установками [Солопова, Наумова 2018].

Цель данного исследования — сопоставить военно-политический и военно-публицистический форматы дискурса для выявления их специфики и типологических признаков.

Для достижения поставленной цели автор прибегает к использованию инструментария критического анализа дискурса [Richardson 2007; Wodak, Meyer 2001], контент-анализа и интент-анализа. Критический дискурс-анализ, нацеленный на разоблачение манипулятивных технологий и трактующий дискурс как инструмент осуществления власти [Dijk 1995; Wodak 1989], позволяет интерпретировать дискурс в его неразрывной связи с экстралингвистическим контекстом. Контент-анализ, подразумевающий использование математических подсчетов, придает определенную строгость получаемым результатам и позволяет абстрагироваться от субъективного мнения исследователя. Интент-анализ предоставляет возможность выявить скрытый смысл, содержащийся в анализируемых фрагментах дискурса, и определить намерения и цели, влияющие на исследуемый дискурс.

Создание корпуса текста для исследования

Для выявления черт, присущих военно-политическому и военно-публицистическому форматам дискурса, был собран корпус текстов, состоящий из следующих материалов:

1. Obama's address to the nation on Syria (пер.: «Обращение Барака Обамы к нации по поводу Сирии» от 10 сентября 2013 г. — 12 875 знаков с пробелами);

2. Response is fundamental to a world of civility and justice by Nicholas Burns (пер.: «Требуется ответные действия во имя цивилизованного и справедливого мира» — статья в издании «The Boston Globe» от 7 сентября 2013 г., 4436 знаков с пробелами);

3. Pulling the curtain back on Syria by Nicholas Kristof (пер.: «Покажите настоящую Си-

рию» — статья в издании «The New York Times» от 7 сентября 2013 г., 6495 знаков с пробелами);

4. Obama Acts Like He Doesn't Know He's an Executive-Power Extremist by Conor Friedersdorf (пер.: «Обама ведет себя так, словно не знает, что он — президент-экстремист» — статья в издании «The New York Times» от 12 сентября 2013 г., 5933 знака с пробелами);

5. The President Speaks on Syria by Ross Douthat (пер.: «Президент говорит о Сирии» — статья в издании «The New York Times» от 10 сентября 2013 г., 4400 знаков с пробелами).

При выборе материала для составления корпуса текстов автор руководствовался следующими критериями.

1. Все тексты посвящены сирийской проблеме.

2. Все тексты принадлежат либо военно-политическому (текст 1), либо военно-публицистическому форматам дискурса (тексты 2—5). Принадлежность текста тому или иному формату дискурса определяется по его первоисточнику.

3. Все тексты опубликованы в течение небольшого промежутка времени (7—12 сентября 2013 г.).

4. Все тексты принадлежат авторитетным источникам с обширной читательской аудиторией: текст 1 — архивы Белого дома (obamawhitehouse.archives.gov), текст 2 — издание «The Boston Globe» (выпускается с 1872 г., является одним из наиболее влиятельных изданий в США [The Boston Globe [http](http://)], тяготеет к политическим взглядам Демократической партии США [Boston Globe [http](http://)]), тексты 3—4 — издание «The New York Times» (американская газета с мировым именем, основанная в 1851 году [The New York Times [http](http://)], как и «The Boston Globe», считается симпатизирующей взглядам Демократической партии [New York Times [http](http://)]), текст 5 — издание «The Atlantic» (журнал, основанный в 1857 г., является одним из старейших и наиболее уважаемых в США [The Atlantic Monthly [http](http://)], как и предыдущие издания, позиционируется как разделяющий взгляды Демократической партии США [The Atlantic [http](http://)]).

Поиск текстов для составления корпуса осуществлялся как при непосредственном обращении к сайтам определенных газет, так и с использованием поисковой системы Google.

Основным текстом корпуса и единственным текстом, относящимся к военно-политическому формату дискурса, является текст 1, первоисточником которого стало выступление первого лица государства. Принадлежность к военно-политическому фор-

мату дискурса также связана с тем, что темой выступления президента является вопрос инициации военной кампании в Сирии в связи с предполагаемым обладанием данным государством химическим оружием (дискурс о войне и для войны). Именно данный текст стал точкой отсчета для определения временных рамок поиска текстов военно-публицистического дискурса (1 августа 2013 г. — 1 октября 2013 г.).

Перед нами стояла задача сопоставить военно-политический и военно-публицистический форматы дискурса с использованием текстов, в которых а) первое лицо государства заявляет о перспективе инициации военной кампании; б) возможная военная операция в Сирии оценивается СМИ положительно; в) возможная военная операция в Сирии оценивается СМИ отрицательно.

Необходимость рассмотрения диаметрально противоположных точек зрения объясняется желанием исключить влияние субъективного отношения со стороны исследователя и изучить позицию обеих сторон. Более того, подобный подход позволяет рассмотреть проблему классификации текстов проправительственного характера в рамках военно-политического или военно-публицистического форматов дискурса.

С учетом статистически подтвержденной низкой народной поддержки возможной интервенции в Сирию [American Views on Intervention in Syria <http://>], материалов проправительственного толка за указанный период было выделено всего 2, которые и вошли в данный корпус (всего было проанализировано 200 статей, относящихся к интервенции в Сирию, однако не все из них удовлетворяли заданным критериям поиска).

Стоит отметить, что в обоих изданиях независимо друг от друга публикации проправительственного толка вышли за 3 дня до выступления президента, т. е. 7 сентября 2013 г. Таким образом, мы можем сделать вывод, что их публикация стала своеобразной подготовкой общественного мнения к предстоящему выступлению президента. Существует как минимум два возможных объяснения подобного совпадения: 1. Журналисты действительно излагали свою позицию относительно вмешательства в сирийские проблемы со стороны США. 2. Журналисты обладали инсайдерской информацией о предстоящем выступлении президента, поэтому имели представление, о чем именно им следует писать.

Для того, чтобы более подробно рассмотреть содержательную сторону каждого из текстов, мы воспользуемся инструментами контент-анализа.

Выбор К-переменной и определение ее значений

Процедура контент-анализа неизменно сопровождается выбором единиц кодирования, или так называемых концептуальных переменных (далее — К-переменных). В каждом конкретном тексте или корпусе текстов К-переменная представлена своими значениями — языковыми коррелятами. Подбор языковых коррелятов осуществляется в соответствии с категориями, которые исследователь анализирует в тексте. К подобным категориям могут относиться, например, «свой — чужой», «война», «права человека» и т. д. Таким образом, их языковыми коррелятами будут выступать слова и словосочетания, раскрывающие данные языковые категории.

Для поиска единиц кодирования в корпусе текстов мы воспользуемся инструментом *Extractor*. Программа «Extractor» была разработана на базе Национального научно-исследовательского совета Канады и впоследствии привлекала внимание фирмы «DBI Technologies», которая занимается выпуском программного обеспечения. Пробная версия программы, предназначенная для частного использования с целью обработки текстов небольшого объема, доступна на одноименном сайте: extractor.com. Программное обеспечение «DBI Extractor» предназначено для автоматического извлечения содержимого документа в виде ключевых слов и фраз. Программа использует технологию резюмирования, таким образом, система прочитывает текст так, как это сделал бы человек, а затем формирует список ключевых слов. Данная программа может мгновенно обрабатывать тексты любых объемов и извлекать из них ключевые фразы, которые не только встречаются в документе, но и отражают его смысл и контекст. Механизм резюмирования не требует обучения, настройки или вмешательства человека. В качестве одного из возможных примеров использования данной программы указывается борьба с терроризмом, так как «Extractor» может помочь в распознавании текстов террористической тематики.

В таблице 1 приведены ключевые слова для каждого из текстов, полученные с использованием инструмента «Extractor».

Таблица 1

Ключевые слова корпуса текстов

Текст	Слово 1	Слово 2	Слово 3	Слово 4	Слово 5
1	America	War	Regime	Syria	President
2	Syria	United States	Congress	President	Chemical Weapons
3	President	Obama	Power	Executive Power	To act
4	Syria	Hama	Slaughter	Syrian	Government
5	President	Speech	To appeal	To speak	Diplomatic situation

Таблица 2

Краткая характеристика исследуемого корпуса текстов

Но текста	T1	T2	T3	T4	T5
Кол-во слов	2207	759	1027	1108	750

Как показывают данные таблицы 1, несмотря на единство тематики, акценты в каждом из текстов расставлены по-разному, чем и объясняется расхождение ключевых слов. Тем не менее выявленные совпадения подтверждают, что каждый из военно-публицистических текстов посвящен выступлению президента и дипломатической ситуации в Сирии. С учетом расхождения ключевых слов мы решили самостоятельно извлечь единицы кодирования, руководствуясь прочитанным. В частности, мы остановились на следующих единицах: *We, I, Assad, Chemical Weapons, You, War, Strike, Iraq, Afghanistan*.

Выбор данных единиц кодирования объясняется следующим.

Местоимение *we* («мы»), во-первых, является инструментом противопоставления на уровне «свой — чужой» («мы — они»), а во-вторых, инструментом манипулирования и навязывания коллективной ответственности за принятие важных политических решений.

Местоимение *I* («я»), с одной стороны, позволяет высказать личное мнение, с другой — является инструментом навязывания собственного мнения в случае, если речь идет об авторитетной персоне, например о президенте страны.

Assad — фамилия сирийского президента, множество раз встречавшаяся в корпусе текстов. Использование имени собственного говорит об отождествлении происходящего в стране с конкретным лицом и, как следствие, о предъявлении ему обвинений за сложившуюся дипломатическую обстановку.

Chemical Weapons («химическое оружие») — использование химического оружия режимом Б. Асада является официальным предлогом для предъявления последнему обвинений со стороны США, именно поэтому данное словосочетание играет особую роль в корпусе текстов.

Местоимение *you* («вы/ты») — использование данного местоимения является непо-

средственной формой обращения к реципиенту для получения обратной связи.

War («война») — центральная тема всех текстов, лежащая в основе конфликта власти и СМИ.

Strike («удар») — военная мера, о которой идет речь в выступлении президента и которая активно обсуждается журналистами.

Iraq и Afghanistan — исторические конфликты, тема которых традиционно поднимается, если речь заходит о вмешательстве США во внутреннюю политику других государств. Именно эти войны регулярно приводятся в качестве примера неудач внешней политики США.

Выбранные единицы кодирования достаточно четко могут быть поделены на две более глобальные категории: «свой — чужой» (*we, you, I, Assad*) и «война» (*Chemical Weapons, War, Strike*, а также *Iraq и Afghanistan* как частные случаи военных кампаний).

Таблица 2 представляет собой краткую характеристику корпуса текстов, в котором осуществляется поиск К-переменных.

T1, T2 и T4, представленные в таблице без подчеркивания, являются текстами, поддерживающими сирийскую кампанию, при этом T1 — текст военно-политического дискурса, а T2 и T4 — тексты военно-публицистического дискурса. Соответственно T3 и T5, выделенные в таблице подчеркиванием, являются материалами оппозиционного характера, отвергающими возможность военной кампании на территории Сирии.

В таблице 3 представлена обобщенная характеристика текстов по форматам дискурса (военно-политический и военно-публицистический), а также по характеру текста — поддерживающие или отвергающие идею военного вмешательства в Сирию. Как и в предыдущей таблице, подчеркиванием обозначены тексты военно-публицистического дискурса, имеющие оппозиционный характер.

Таблица 3

Обобщенная характеристика текстов исследуемого корпуса

No текста	T1	T2+T4	T3+T5
Кол-во слов	2207	1867	1777

Таблица 4

Абсолютная частота встречаемости отдельных словоупотреблений в тексте

K	T1	T2	T3	T4	T5
We	33	10	3	5	1
I	31	0	0	7	8
Assad	24	6	0	3	1
Chemical Weapons	15	5	1	3	2
You	11	1	0	3	6
War	9	1	8	5	2
Strike	7	5	2	3	2
Iraq	6	2	2	6	0
Afghanistan	4	0	1	2	0

Таблица 5

Относительная частота встречаемости отдельных словоупотреблений в тексте

K	T1	T2	T3	T4	T5
We	0,014952	0,013175	0,002921	0,004513	0,001333
I	0,014046	0	0	0,006318	0,010667
Assad	0,010874	0,007905	0	0,002708	0,001333
Chemical Weapons	0,006797	0,006588	0,000974	0,002708	0,002667
You	0,004984	0,001318	0	0,002708	0,008
War	0,004078	0,001318	0,00779	0,004513	0,002667
Strike	0,003172	0,006588	0,001947	0,002708	0,002667
Iraq	0,002719	0,002635	0,001947	0,005415	0
Afghanistan	0,001812	0	0,000974	0,001805	0

Статистический анализ данных

Определение абсолютных и относительных частот K-переменной

Чтобы проанализировать содержательную сторону текста, нам необходимо вычислить абсолютную частоту встречаемости заявленных единиц кодирования. Абсолютная частота включает в себя все случаи употребления искоемых единиц кодирования, т. е. сколько раз то или иное слово встретилось в тексте.

Исходя из таблицы 4, мы можем заметить, что наиболее «насыщенным» является текст 1, относящийся к военно-политическому дискурсу, что можно объяснить необходимостью использования широкого арсенала инструментов манипулирования общественным мнением в текстах данного формата. При этом абсолютная частота употребляемости таких единиц кодирования, как *We*, *Assad*, *Chemical Weapons*, *Strike*, *Iraq*, *Afghanistan*, выше всего в текстах военно-политического и военно-публицистического дискурса проправительственного характера, что, с одной стороны, подтверждает их тесную связь, а с другой — ставит вопрос о дальнейшем подразделении

военно-публицистического дискурса на проправительственный и оппозиционный.

Несмотря на то, что представленные в таблице 4 данные уже могут быть использованы для анализа текста, учитывая разницу в объемах текстов, более объективная картина будет получена при подсчете относительной частоты встречаемости словоупотреблений.

Относительная частота встречаемости отдельных словоупотреблений — отношение конкретно взятых единиц к общему объему текста. После таких подсчетов мы получаем возможность сравнивать частоту встречаемости отдельных единиц кодирования в разных текстах, руководствуясь одними и теми же коэффициентами.

Жирным шрифтом мы выделили наибольшие значения встречаемости конкретно взятой единицы кодирования, а подчеркиванием — наименьшие.

Таким образом, исходя из данных, представленных в таблице 5, мы видим, что большинство единиц кодирования чаще всего встречается в тексте военно-политического дискурса (T1), что подтверждает наше предположение о наиболее выраженной потребности манипуляции общественным мне-

нием. В частности, президент регулярно ссылается на необходимость коллективного принятия решения и сплочения перед всеобщей угрозой (местоимение *we*), а также на собственный авторитет и собственное отношение к происходящему (местоимение *I*). Частое упоминание имени Асада говорит о персонификации ответственности за напряженную ситуацию в международных отношениях, что также объясняет частое упоминание сирийского президента в еще одном тексте (T2) проправительственного характера. Аналогичным образом больше всего упоминаний химического оружия приходится на выступление президента и на материалы проправительственного характера (T2 и T4), призванные нагнетать ощущение реальности угрозы, исходящей от ближневосточного государства.

Местоимение *you* создает несколько другую картину и выражает функцию апелляции в статье антиправительственного характера (T5), благодаря чему журналист призывает читателей задуматься над тем, какой ценой может обойтись очередная военная кампания для американского народа. Более того, местоимение *we* встречается в данной статье реже всего, что говорит о том, что автор не отождествляет себя с читателями, а позволяет им сформировать собственную позицию относительно происходящего.

Наиболее частое упоминание войны (*war*) характерно для военно-публицистического текста оппозиционного характера (T3), в котором реже всего встречаются такие единицы кодирования, как *I*, *Assad*, *Chemical Weapons*, *You*, *Strike*, что позволяет сделать вывод о том, что данный текст всецело посвящен тематике войны и ее пагубности для США. К подобному выводу можно прийти и в связи с тем, что автор не упоминает в достаточной степени ни сирийского лидера, ни его арсеналы химического оружия, ни военный удар, а учитывая, что местоимения «я» и «вы/ты» также используются крайне редко, автор пытается вызвать у читателя ощущение непредвзятости собственной позиции и

объективности фактов, изложенных в его статье.

Меньше всего упоминаний о войне и больше всего упоминаний об ударе по Сирии характерно для текста проправительственного характера (T2), который преподносит возможную военную кампанию не как полномасштабные боевые действия, а как отдельные «точечные удары», способные отрезвить противника.

Ирак и Афганистан так или иначе упоминаются практически в каждом из текстов, причем с разной целью: в текстах проправительственного характера они призваны подчеркнуть, что ужасы этих военных кампаний не повторятся в Сирии, а тексты оппозиционного характера подчеркивают, что очередная война на территории чужого государства США не нужна.

Таким образом, мы можем увидеть, что одни и те же единицы кодирования используются в равной степени в текстах военно-политического и проправительственного военно-публицистического дискурса (T1, T2, T4). Тексты оппозиционного характера (T3, T5) также близки между собой с точки зрения встречаемости одних и тех же единиц кодирования, что позволяет говорить о различных целях военно-политического, проправительственного военно-публицистического и оппозиционного военно-публицистического дискурса. Первые два используют убеждающую функцию для навязывания аудитории необходимости инициации военной кампании, тогда как оппозиционный дискурс придерживается цели недопущения войны в любых ее проявлениях.

Для более подробного анализа текстов мы решили проанализировать относительную частоту встречаемости отдельных единиц кодирования в схожих текстах.

Как и в предыдущем случае, жирным шрифтом мы выделили наибольшие значения встречаемости конкретно взятой единицы кодирования, а подчеркиванием — наименьшие (таблица 6).

Таблица 6

Относительная частота встречаемости отдельных словоупотреблений
в текстах схожего характера

K	T1	T2 + T4	T3 + T5
We	0,01495	0,01769	0,00425
I	0,01405	0,00632	0,01067
Assad	0,01087	0,01061	0,00133
Chemical Weapons	0,00680	0,00930	0,00364
You	0,00498	0,00403	0,008
War	0,00408	0,00583	0,01046
Strike	0,00317	0,00930	0,00461
Iraq	0,00272	0,00805	0,00195
Afghanistan	0,00181	0,00181	0,00097

Интересно, что в отличие от данных, полученных для отдельных текстов, результаты анализа относительных значений для групп текстов меняют распределение кодовых единиц в рамках корпуса.

Так, например, противопоставление на уровне местоимения «я» и имени собственного «Асад», как и прежде, четко прослеживается в дискурсе Б. Обамы (0,01405 и 0,01087 соответственно — наибольшие значения для данных словоупотреблений), в то время как местоимение «мы» теперь более характерно для проправительственного военно-публицистического дискурса (0,01769 — наибольший показатель), а не для военно-политического дискурса, при этом стоит отметить, что именно в текстах, поддерживающих военную кампанию (Т1, Т2, Т4), меньше всего затрагивается тема войны (наибольший показатель 0,01046 принадлежит тексту оппозиционного военно-публицистического дискурса).

Можно сделать вывод, что материалы проправительственного характера были призваны подготовить общественное мнение к предстоящему выступлению президента, потому что именно в этих текстах (Т2 и Т4) чаще, чем в других, шла речь о химическом оружии, ударе по Сирии и кампаниях в Ираке и в Афганистане, которые характеризовались как необходимый инструмент распространения демократии и защиты населения ближневосточных стран.

В текстах оппозиционного военно-публицистического дискурса (Т3 и Т5) чаще всего встречается обращение к реципиенту (местоимение «вы/ты») и тема войны, при этом речь идет не о конкретной войне, а о пагубности военных действий в принципе, чем объясняются низкие значения встречаемости таких единиц, как *we*, *Assad*, *chemical weapons*, *Iraq*, *Afghanistan* (наименьшие значения показателей для данных единиц кодирования: 0,00425, 0,00133, 0,00364, 0,00195 и 0,00097 соответственно).

Таким образом, данные, приведенные в таблице 6, показывают, что тексты, призванные поддержать военную кампанию (Т1, Т2, Т4), избегают самого понятия войны, прикрываясь угрозой химического оружия и

необходимостью «точечных ударов». Относительная частота употребляемости для единицы *war* в текстах Т1, Т2+Т4 составляет 0,00408 и 0,00583 соответственно, при этом в текстах оппозиционного характера данная единица встречается с частотой 0,01046, значительно превышающей значения для текстов, поддерживающих военную кампанию в Сирии. Это может быть связано с тем, что тексты оппозиционного характера (Т3, Т5), наоборот, призывают задуматься о последствиях любой войны, независимо от ее масштабов.

Учитывая, что в своем анализе мы неоднократно возвращались к роли местоимений в данных текстах, особый интерес представляет соотношение использования местоимений «мы» и «я» для каждой из группы текстов, что позволит нам определить, для каких из текстов характерно навязывание коллективной ответственности за принимаемые решения, а для каких — выражение личного мнения для убеждения читателей.

Исходя из таблицы 7, мы можем заметить, что, с точки зрения употребления местоимений, военно-политический и проправительственный военно-публицистический дискурс ближе друг к другу, нежели оппозиционный военно-публицистический дискурс. Данное утверждение также находит свое подтверждение в том, что именно в оппозиционном военно-публицистическом дискурсе соотношение местоимений «мы» и «я» решается в пользу второго. Таким образом, во-первых, данные тексты (Т3, Т5) призваны выразить отношение конкретного автора к конкретным историческим событиям, что создает впечатление объективности подачи информации, а во-вторых, не навязывают аудитории коллективную ответственность за принимаемые политические решения. Можно сделать вывод, что военно-публицистический дискурс призывает читателя проникнуться позицией автора, в то время как военно-политический дискурс и проправительственный военно-публицистический дискурс побуждают читателя почувствовать себя со-автором и равноправным участником коммуникации.

Таблица 7

Установление соотношения частоты употребления местоимений *we* и *I* для каждой группы текстов по отдельности

K	T1	T2 + T4	T3 + T5
We	33	15	4
I	31	7	8

Заключение

Гибридные форматы дискурса занимают особое место в его типологии. Военно-политический и военно-публицистический гибридные форматы играют важную роль в решении глобальных вопросов международных отношений, таких как проблема войны и мира.

Военно-публицистический дискурс не является однородным по своей структуре и достаточно четко подразделяется на проправительственный и оппозиционный военно-публицистический дискурс, при этом проправительственный военно-публицистический дискурс тяготеет к военно-политическому дискурсу, так как разделяет излагаемые в нем позиции.

Для военно-политического и проправительственного военно-публицистического дискурса характерно активное использование местоимений «we», «I» и «you», которые способствуют раскрытию категории «свой — чужой» в текстах данных форматов дискурса. Кодовая единица «War» не характерна для военно-политического и проправительственного военно-публицистического форматов и заменяется на эвфемистическое понятие «Strike» или содержащее угрозу «Chemical Weapons».

Оппозиционный военно-публицистический дискурс, наоборот, акцентирует свое внимание на кодовой единице «War», подчеркивая, что война в любом формате остается войной.

Апелляция к одним и тем же событиям, таким как война в Ираке и Афганистане, преследует различные цели в военно-политическом, проправительственном и оппозиционном военно-публицистическом дискурсе: первые два стремятся убедить аудиторию в том, что ужасы прошлого не повторятся, оппозиционный военно-публицистический дискурс настаивает на извлечении уроков из прошлого и недопущении очередной войны.

Результаты данного исследования получены с использованием контент-анализа, основанного на математических подсчетах, что придает объективность авторской интерпретации информации, извлеченной из текстов, и позволяет абстрагироваться от субъективного мнения исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина Е. Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. — М. : Прометей, 2015.

2. Володина М. Н. СМИ как форма «общественного диалога» // Язык современной публицистики. — 2005.

3. Герасимов В. И. Политический дискурс-анализ // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования : сб. науч. тр. — М. : РАН ИНИОН, 2002.

4. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования : сб. науч. тр. — М. : РАН ИНИОН, 2002.

5. Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. 2014. No 2.

6. Кучинская Е. А. Жанр и композиция текста в военной периодике (коммуникативно-семантическое моделирование) : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2011.

7. Олянич А. В. Милитарный (военный) дискурс // Дискурс-Пи. 2015. No 2.

8. Солопова О. А. Исследование моделей будущего России в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. No 3 (37).

9. Солопова О. А., Наумова К. А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. No 4 (54).

10. Солопова О. А., Чудинов А. П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-day // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2018. No 2.

11. Уланов А. В. Коммуникативные стратегии в военном дискурсе // Язык и культура. 2014. No 4 (28).

12. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта, 2006.

13. American Views on Intervention in Syria [Electronic resource]. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/interactive/2013/09/10/world/middleeast/american-views-on-intervention-in-syria.html> (date of access: 30.04.19).

14. Boston Globe [Electronic resource]. URL: <https://mediabiasfactcheck.com/boston-globe/> (date of access: 21.04.19).

15. Chilton P. Analysing political discourse: theory and practice. — London : Routledge, 2004.

16. Fairclough I., Fairclough N. Political Discourse Analysis. A Method for Advanced Students. — London : Routledge, 2012.

17. Fowler R. Language in the news: Discourse and ideology in the British press. — London : Routledge, 1991.

18. New York Times [Electronic resource]. URL: <https://mediabiasfactcheck.com/new-york-times/> (date of access: 21.04.19).

19. Richardson J. E. Analysing newspapers. An approach from critical discourse analysis. — New York : Palgrave Macmillan, 2007.

20. Talbot M. Media discourse: representation and interaction. — Edinburgh : Edinburgh University Pr., 2007.

21. The Atlantic Monthly [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Atlantic-Monthly> (date of access: 21.04.19).

22. The Atlantic [Electronic resource]. URL: <https://mediabiasfactcheck.com/the-atlantic/> (date of access: 21.04.19).

23. The Boston Globe [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Boston-Globe> (date of access: 21.04.19).

24. The New York Times [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-New-York-Times> (date of access: 21.04.19).

25. Van Dijk T. A. The mass media today: discourses of domination or diversity? // Journ. of the European Institute for Communication and Culture. 1995. No 2.

26. Wodak R. Language, power and ideology. Studies in political discourse. — Amsterdam : Benjamins, 1989.

27. Wodak R., Meyer M. Methods of critical discourse analysis. — London : SAGE publ., 2001.

K. A. Naumova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1729-395X

 E-mail: naumova.ksenia94@mail.ru.

Comparative Content Analysis of Military-Political and Military-Media Discourse Formats

ABSTRACT. *The article poses a hypothesis about the independence of hybrid discourse formats and the substantial differences between hybrid discourse formats with a common base (military-political and military-media discourses) in typological discourse classification. The specificity and the typological features of military-political and military-media discourses is investigated using the tools of critical discourse analysis, content analysis, and intent analysis. The author provides a methodology of selection of texts for a text corpus, as well as the criteria of the choice of conceptual variables for content-analysis. The author has calculated the absolute and relative frequency of occurrence of both separate texts and groups of texts within the text corpus for the same set of conceptual variables. The content analysis and the interpretation of the data obtained allowed the author to confirm the hypothesis about the substantial differences between hybrid discourse formats. It has been revealed that the military-media discourse is not homogeneous and can be subdivided into pro-government and oppositional military-media discourse. The military-political and the pro-government military-media discourses are characterized by recurrent usage of the personal pronouns “we”, “I”, and “you” actualizing the opposition of “own – alien”. In the pro-government military-media and the military-political discourse, the conceptual variable “war” is substituted by the euphemistic notion “strike” or threat-containing notion “chemical weapons”, while the oppositional military-media discourse focuses on the variable “war”. Thus, the author argues that the substantial differences between the hybrid discourse formats are determined by the specificity of their aims: war initiation for the pro-government military-media and the military-political discourses, and war prevention for the oppositional military-media discourse.*

KEYWORDS: hybrid formats; military-political discourse; military-media discourse; content analysis.

AUTHOR'S INFORMATION: Naumova Kseniya Andreevna, Post-graduate Student of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

FOR CITATION: Naumova, K. A. Comparative Content Analysis of Military-Political and Military-Media Discourse Formats / K. A. Naumova // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 96-105. — DOI 10.26170/pl19-03-12.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant within scientific project № 19-012-00192.

REFERENCES

1. Aleshina E. Yu. Public Political Discourse of a Conflict Situation. — Moscow : Prometheus, 2015. [Publichnyy politicheskiy diskurs konfliktnoy situatsii. — M. : Prometei, 2015]. — (In Rus.)
2. Volodina M. N. Mass Media as a Form of “Public Dialogue” // Language for Contemporary Publicism. — 2005. [SMI kak forma «obshchestvennogo dialoga» // Yazyk sovremennoy publitsistiki. — 2005]. — (In Rus.)
3. Gerasimov V. I. Political Discourse Analysis // Political Science. Political Discourse: History and Contemporary Research: collection of scientific works. — Moscow : RAS INION, 2002. [Politicheskiy diskurs-analiz // Politicheskaya nauka. Politicheskiy diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya : sb. nauch. tr. — M. : RAN INION, 2002]. — (In Rus.)
4. Dem'yankov V. Z. Political Discourse as a Subject of Political Science Philology // Political Science. Political Discourse: History and Contemporary Research: collection of scientific works. — Moscow : RAS INION, 2002. [Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskiy diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya : sb. nauch. tr. — M. : RAN INION, 2002]. — (In Rus.)
5. Issers O. S. Media Fiction: Between Truth and Mystification // Communicative Research. 2014. No 2. [Mediafeyki: mezhdru pravdy i mistifikatsiy // Kommunikativnye issledovaniya. 2014. No 2]. — (In Rus.)
6. Kuchinskaya E. A. Genre and Text Composition in Military Periodicals (Communicative-semantic Modeling) : doctoral thesis ... Dr. Phil. Sciences. — Moscow, 2011. [Zhanr i kompozitsiya teksta v voennoy periodike (kommunikativno-semanticeskoe modelirovanie) : dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2011]. — (In Rus.)
7. Olyanich A. V. Military (military) Discourse // Discourse-Pi. 2015. No 2. [Military (voenny) diskurs // Diskurs-Pi. 2015. No 2]. — (In Rus.)
8. Solopova O. A. Investigation of Russia's Future Models in Political Discourse // Political Linguistics. 2011. No 3 (37). [Issledovanie modeley budushchego Rossii v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2011. No 3 (37)]. — (In Rus.)
9. Solopova O. A., Naumova K. A. Hybrid Discourse Formats: Classification Problems // Philological Class. 2018. No 4 (54). [Gibridnye formaty diskursa: problemy klassifikatsii // Filologicheskii klass. 2018. No 4 (54)]. — (In Rus.)
10. Solopova O. A., Chudinov A. P. Diachronic Analysis of Metaphors in the British Corpus of Texts: Victory Bells and Russia's V-day // Proceedings of Univ. of Friendship of Nations. Ser.: Linguistics. 2018. No 2. [Diakhronicheskiy analiz metafor v britanskom korpuse tekstov: kolokola pobedy i Russia's V-day // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. 2018. No 2]. — (In Rus.)
11. Ulanov A. V. Communicative Strategies in Military Discourse // Language and Culture. 2014. No 4 (28). [Kommunikativnye strategii v voennom diskurse // Yazyk i kul'tura. 2014. No 4 (28)]. — (In Rus.)
12. Chudinov A. P. Political Linguistics. — Moscow : Flinta, 2006. [Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta, 2006]. — (In Rus.)
13. American Views on Intervention in Syria [Electronic resource]. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/interactive/2013/09/10/world/middleeast/americans-views-on-intervention-in-syria.html> (date of access: 30.04.19).
14. Boston Globe [Electronic resource]. URL: <https://mediabiasfactcheck.com/boston-globe/> (date of access: 21.04.19).
15. Chilton P. Analysing political discourse: theory and practice. — London : Routledge, 2004.
16. Fairclough I., Fairclough N. Political Discourse Analysis. A Method for Advanced Students. — London : Routledge, 2012.
17. Fowler R. Language in the news: the discourse and ideology in the British press. — London : Routledge, 1991.
18. New York Times [Electronic resource]. URL: <https://media>

biasfactcheck.com/new-york-times/ (date of access: 21.04.19).

19. Richardson J. E. Analysing newspapers. An approach from critical discourse analysis. — New York : Palgrave Macmillan, 2007.

20. Talbot M. Media discourse: representation and interaction. — Edinburgh : Edinburgh University Pr., 2007.

21. The Atlantic Monthly [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Atlantic-Monthly> (date of access: 21.04.19).

22. The Atlantic [Electronic resource]. URL: <https://media.biasfactcheck.com/the-atlantic/> (date of access: 21.04.19).

23. The Boston Globe [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Boston-Globe> (date of access: 21.04.19).

24. The New York Times [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-New-York-Times> (date of access: 21.04.19).

25. Van Dijk T. A. The mass media today: discourses of domination or diversity? // Journ. of the European Institute for Communication and Culture. 1995. No 2.

26. Wodak R. Language, power and ideology. Studies in political discourse. — Amsterdam : Benjamins, 1989.

27. Wodak R., Meyer M. Methods of critical discourse analysis. — London : SAGE publ., 2001.